

как отношение к миру и к человеку!.. И эта вечность, непреходящая осмысления темы находит органичное воплощение в игре актрисы, умеющей психологически верно раскрывать характеры. Полностью согласна с Ю. Трифоновым: «Психологизм тончайший, но не мелочный — это то оружие искусства, которое можно назвать вечным»¹.

Но ошибкой было бы прийти к выводу, будто Абашина на протяжении всей своей тридцатилетней деятельности создавала один и тот же характер. При всей схожести художественных судеб и черт характера ее героинь — каждая из них живет в определенном обществе и в определенной атмосфере времени, а значит, и

Совершенно иную роль суждено было сыграть Абашиной в «Добром человеке из Сычуани» Б. Брехта, в спектакле, рассказывающем не просто о добре и зле, а об органичной враждебности всего жизненного уклада буржуазного общества добрым началам человеческой природы... Трудность для актрисы заключалась в том, что многие из ее достоинств, возможностей — прежде всего тонкий психологизм, умение индивидуализировать характеры — в брехтовском театре были не столь необходимы. Как театр прежде всего эпический (в отличие от психологического театра Станиславского) он предусматривал в каждом персонаже своеобразное обобщение определенного

«Аэропорт» А. Хейли.

связана с ним живой нитью... Время — всегда герой спектакля, и только актер может вдохнуть жизнь в это движение времени.

В современной комедии А. Папаяна «Да, мир перевернулся», рассказывающей о семье рабочего Маркара, Клара Абашина сыграла роль его жены Нубар. Детализированный реализм пьесы и сценического ее воплощения, художественное оформление, отразившее наиболее примечательные стороны быта армянской семьи, — учитывая все это, Абашина стремилась к максимальной достоверности Нубар, передавая и национальный дух, и своеобразие формирования ее характера.

¹ Трифонов Ю. Атмосфера и подробности. — «Театр», 1979, № 7, с. 108.

социального типа человеческого поведения...

В спектакле актрисе нужно было в определенный момент действия стать рядом со своим героем, как бы взглянуть на него со стороны, «осудить», вызвать критическую реакцию зрителей на изображаемые события. То есть достичь того самого «эффекта очуждения», который лежит в основе брехтовского театра.

И это во многом удалось актрисе. Когда Шен-Те перевоплощается в своего двоюродного брата Шуи-Та — мы видим, как исполнительница откликается ему не только в какой бы то ни было правоте, но и стремится выразить в этом образе ненависть к ЛЮБЫМ ФОРМАМ ЗЛА, к ЛЮБЫМ ФОРМАМ ЭКСПЛУАТАЦИИ